

Книги Дмитрия Лазарева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«Э-МАГИЯ»

**НЕ ПОЖЕЛАЙ ЗЛА
АНТИВИРУС ЛОГИНОВА**

Цикл
«ПАНДЕМОНИУМ»
**ЛЕДЯНАЯ СМЕРТЬ
НАШЕСТВИЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ ЛАЗАРЕВ

АНТИВИРУС ЛОГИНОВА

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 759

Художник
И. Воронин

Лазарев Д. В.

Л17 Антивирус Логинова: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1135-1

Недолгими были каникулы, которые устроили себе Игорь Логинов и Моргана: обстоятельства вновь призывают их в бой. Четыре могущественных посланца Пустоты вместе с вынужденной помогать им криганкой Лилит ищут Осколки Ключа к темнице Тринадцатого. В игру вступают не только светлые и темные Вторые, но даже Демиурги. Ставки растут: один за другим гибнут хранители Осколков и все больше частей Ключа оказывается в руках кромешников. А уж если Тринадцатый вырвется на свободу, на кону окажется существование всей Сферы Миров. Как тут обойтись без Э-мага и его взбалмошной дочери?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1135-1

© Лазарев Д. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

За Внешним ободом

Анхоры преследовали криганку неотступно. С того самого злосчастливого места, где Лилит с командой поддержки, пытаясь перехватить свою беглую дочь, неожиданно наткнулась на членов Конклава светлых Вторых. Этот стихийно возникший, полный суеты и неразберихи бой был в общем-то не нужен ни одной из сторон. Причем если бы криги сразу же ретировались, анхоры почти наверняка не стали бы их преследовать. Но упустить Моргану, причем уже измотанную и почти не способную сопротивляться, Лилит себе позволить не могла и потому очертя голову бросилась в драку. Кто же мог знать, что через несколько минут на поле боя появится весь остальной Конклав?!

Вдобавок прибывшие престолы и доминаторы были, кажется, чем-то здорово разозлены. Во всяком случае, они с такой яростью набросились на кригов и десмодов, словно хотели отыграться на них за какую-то свою неудачу. Что же, им это вполне удалось. Группа Лилит была полностью истреблена, а она сама оказалась в шкуре дичи, которую травят охотники. Давненько представительнице касты архов не приходилось так отчаянно удирать. Кроме того, бегство это никак нельзя было назвать успешным, ибо стряхнуть с хвоста преследователей ей никак не удавалось. Те вцепились в нее мертвой хваткой, явно задавшись целью во что бы то ни стало убить.

Испробовав множество способов избавиться от преследования и не преуспев ни в одном из них, Лилит попыталась укрыться во Внешнем ободе, рассчитывая, что туда ан-

хоры не сунутся: как-никак это была территория кригов. Напрасные надежды: остервенелые враги последовали за нею без колебаний. Конклав светлых Вторых в полном составе являл собой столь грозную силу, что мало кто в Сфере Миров рискнул бы с ними связываться. Из кригов, пожалуй, разве что Сайфер со своей гвардией мог бы решиться на такое. Только зачем ему эта головная боль из-за вечно бунтующей и плетущей против него интриги Лилит? Поэтому Верховному правителю кригов проще было закрыть глаза на «мелочи» вроде нарушения Конклавом границ Внешнего обода.

Выходит, на него нет смысла и надеяться. А собственные сторонники Лилит слишком малочисленны и слабы. Эх, вот где пригодилась бы помощь Морганы! Вдвоем они бы обязательно выпутались. Только теперь юная криганка не желала иметь со своей матерью ничего общего, что приводило последнюю в недоумение и ярость. Но время разбираться с дерзкой девчонкой еще придет, если, конечно, сейчас Лилит удастся спастись, что весьма сомнительно.

Оставался последний вариант — сбежать за Внешний обод. На первый взгляд этот план выглядел полным безумием, но только на первый. Лилит была едва ли не единственной из высших каст кригов, кто после поражения в Войне Тринадцати сохранил контакт с союзниками из Пустоты. Высший Совет темных Вторых во главе с как раз тогда пришедшим к власти Сайфером постановил разорвать всякие отношения с крошечниками ввиду крайней опасности последних для Сферы Миров. Лилит же, в отличие от мягкотелых перестраховщиков из Совета, видела в продолжении сотрудничества с Пустотой немалые перспективы. Разумеется, с ними не следовало забывать об осторожности, но если действовать с умом, можно получить немало выгод.

И она, кстати, уже кое-что приобрела — взять хотя бы десмодов. Жаль только, что бóльшая часть этих тварей погибла. Будь прокляты Логинов и анхоры! Ведь только представить, чего ей стоило заполучить этот контингент у крошечников...

Впрочем, сейчас важнее другое: *там* ее знают, а потому, скорее всего, нападать не станут. Конечно, всегда есть риск

нарваться на тех, кто не в курсе политической обстановки или плевать на нее хотел. Но этот риск вполне приемлемый по сравнению с почти верной смертью здесь. В Пустоту же анхоры уж точно не полезут.

Пересекать границу туда было существенно проще, чем обратно. Оно и логично: создавая Внешний обод, Демиурги как-то не рассчитывали, что окажется много желающих нырять в Пустоту, а потому такой защиты и не поставили. Впрочем, Лилит уже неоднократно проделывала обе эти процедуры, так что освоила их в совершенстве. Правда, после обратного перехода она каждый раз оказывалась полностью вымотанной.

Вот и сейчас переход *туда* занял всего несколько секунд: задержка дыхания, ощущение обжигающего холода — и все.

Пустота недаром так называлась. Там не было буквально ничего, кроме бездонного мрака вокруг. Мрака, к которому зрение никогда не привыкнет. При попадании туда сразу возникало ощущение слепоты. Да и нечего там видеть. Единственное, что давало хоть какую-то точку отсчета, — это серая светящаяся стена границы Сферы Миров, оставшаяся позади. Но и ее свет не распространялся далеко, а исчезал, словно поглощенный безбрежной чернотой вокруг. Лилит припомнила свое первое проникновение сюда в незапамятные времена и охватившую ее сильную панику. Не будь с нею тогда Тринадцатого — не факт, что она сумела бы вернуться обратно.

Итак, уточню слова «буквально ничего»: отсутствовали ощущения тяжести, верха, низа, жары или холода, не было абсолютно никаких звуков и воздуха тоже. Впрочем, последнее для кригов высших каст было не фатально — они могли обходиться без дыхания довольно долго.

Когда Лилит приходилось общаться с кромешниками, она делала это телепатически. Их она, разумеется, тоже не видела (да и как можно увидеть бесплотные тени во мраке?!), но воспринимала своим шестым чувством как некоторые энергетические возмущения. По силе этих возмущений она определяла, с какого уровня созданиями имеет

дело: с примитивными солдатами, более мощными фигурами, принимающими решения, или высшими сущностями, которых криганка про себя называла Иерархами Пустоты. Эта ужасная форма жизни до сих пор оставалась для нее загадкой, несмотря на долгое сотрудничество. Можно было догадаться, что они стремятся к уничтожению Сферы Миров, но вот зачем им это нужно, Лилит так и не поняла. К ним была неприменима логика Демиургов, анхоров или кригов, не говоря уже о смертных.

Тем не менее криганка вела с ними рискованную игру, пытаясь использовать их в своих целях, и с содроганием ждала того момента, когда вопрос об ее ответной услуге будет поставлен ребром. С содроганием — потому что понимала: любое требование этих страшных союзников, в конечном итоге, почти наверняка приведет к гибели ее Вселенной и тем самым сведет на нет титанические усилия, которые она уже затратила для завоевания высот власти. Вот только не раз и не два в процессе этой смертельно опасной игры у нее возникало ощущение, что ее видят насквозь и управляют ею как марионеткой, позволяя думать, что дела обстоят с точностью до наоборот. Впрочем, Лилит всегда гнала от себя подобные мысли.

Наконец почти неуловимые (на пределе возможностей ее шестого чувства) изменения окружающего энергетического фона оповестили криганку, что она уже не одна в этом районе Пустоты. С одной стороны, незначительность возмущений позволяла рассчитывать, что прибыли крошечники невысокого ранга, а с другой — она же мешала точно определить их местоположение, и это слегка нервировало.

«Мне нужен Абаддон», — отправила Лилит телепатическое послание в Пустоту. Так звали Иерарха, с которым она общалась уже долгое время и заключила сделку по поводу десмодов. Обычно это имя вызывало уважение у всякой мелкой шушеры. Уважение, касающееся в основном самого Абаддона, но распространяющееся и на нее, коль скоро она сотрудничала с такой могущественной сущностью. Однако в этот раз вышло иначе. В ответ пришла эмоция — нечто среднее между удивлением и насмешкой, которая, бу-

дучи облеченной в слова, могла бы звучать следующим образом: «И она еще смеет упоминать имя Абаддона?..»

Вслед за этой эмоцией интенсивность энергетических возмущений резко увеличилась, и Лилит поняла, что на самом деле окружавшие ее крошечники до сих пор просто хорошо экранировались, не позволяя ей оценить свою истинную силу. А она оказалась немалой. Конечно, это не были Иерархи, но сущности достаточно высокого уровня, чтобы, прикинув их количество, криганка почувствовала себя очень неуютно.

И еще через несколько секунд ее сдавили мощные, отдающие ледяным холодом тиски чужой воли — крошечники атаковали. Разумеется, каждый из них в отдельности был не ровня представительнице высшей касты темных Вторых, но их подавляющее численное преимущество, а также то, что они находились на своей территории, делало положение криганки весьма незавидным. Тем не менее Лилит не была бы архом, если бы так легко сдалась. Она принялась отчаянно сопротивляться, и ледяные ментальные буры крошечников, стремившихся добраться до сущности криганки, натолкнулись на прочную броню.

Ярость этой безмолвной, а оттого еще более страшной схватки накалялась с каждой минутой. Лилит попыталась было прорваться к границе Внешнего обода, но быстро поняла тщетность своей затеи. Она почти не атаковала сама, так как сил хватало только на сдерживание крошечников. К тому же преодолеть внешнюю границу Сферы Миров под непрерывным натиском обитателей Пустоты было практически нереально. В довершение всего, к последним в любой момент могло прибыть подкрепление, тогда как ей помощи ждать неоткуда. Однако Лилит старалась не пропустить в душу отчаяния, ибо знала, что оно, подобно троянскому коню, способно разрушить сколь угодно крепкие стены.

Ей также было известно, к чему стремятся ее противники: поработить, а если не получится — изгнать душу из ее тела, чтобы оно стало вместилищем для одного из Иерархов Пустоты. До сих пор никому из этих левиафанов не удавалось преодолеть барьера Внешнего обода. Лазейки (да и

то не без ее помощи) находила лишь всякая мелочовка вроде десмодов или других крошечников низкого уровня. Им удавалось просачиваться в очень небольшом количестве, и они были бессильны совершить что-то значительное. Лилит же планировала сохранить подобное положение как можно дольше. Не идя им навстречу в серьезных делах, она отделялась мелкими подачками. Например, прокладывала червоточины — потайные тоннели через миры Щита, по которым лазутчики Пустоты добирались аж до Базового мира. Однако полезность их ограничивалась лишь добычей информации, а Иерархам хотелось большего. Рано или поздно они должны были потерять терпение, что сейчас и произошло. Вряд ли эти псы посмели бы накинуться на нее без высочайшего соизволения. Особенно после того как прозвучало имя Абаддона.

Да, ситуация немного прояснилась, хотя облегчения от этого она не почувствовала. Ей стал понятен замысел бывшего союзника, ставшего врагом, и у криганки имелись на него серьезные контраргументы. Правда, Лилит предпочла бы их не предъявлять, но если не останется другого выхода...

Додумать она не успела: не слишком насыщенное энергетическое поле Пустоты содрогнулось от возмущения, в несколько раз превосходящего интенсивностью то, которое производили окружившие Лилит крошечники, вместе взятые. Очевидно, на поле боя появилась крупная фигура.

И тут же Лилит получила тому подтверждение в виде телепатического послания: «Напрасно сопротивляешься, арх: у тебя нет шансов! Смирись со своей участью!»

Криганка постаралась придать своему эмоциональному спектру оттенки непонимания и обиды: «В чем дело, Абаддон? Почему вы напали на меня? Ведь мы хорошо сотрудничали!»

«Это *по-твоему* хорошо, а я оцениваю наше взаимодействие несколько иначе. Ты пыталась нас обмануть. Довольно игр — мне они надоели! Кроме того, в прежнем качестве ты исчерпала свою полезность. То, что делает тебя личностью, — явно лишнее. А вот твоя оболочка, без начинки, нам еще пригодится».

«Если вы попытаетесь подчинить мою волю или изгнать душу из тела, — в отчаянии протелепатировала криганка, решив прибегнуть к последнему доводу, — клянусь, я сумею быстро умертвить его так, что для вас оно станет непригодным!»

«Ты не решишься! — эхом долетел ответ Абаддона. — Слишком любишь жизнь!»

«А вы проверьте! Но учтите, что в этой ситуации терять мне нечего. При изгнании души жить останется лишь мое тело, а стать вашей безвольной марионеткой для меня, арха, — хуже смерти. Поэтому можете не сомневаться, что я исполню свою угрозу!»

«Тем не менее тебе не уйти отсюда без нашего позволения».

Лилит пожала плечами. Ее охватило спокойствие, граничащее с равнодушием, которое иногда является спутником полнейшего отчаяния.

«Это как вам будет угодно. Решайте, но помните: мертвая я для вас бесполезна, а вот живая могу еще пригодиться. — И тут пришедшая в голову мысль внезапно пробудила в ней надежду: — Да, очень пригодиться!»

Ответа не было, однако судя по тому, что ментальный натиск кромешников заметно ослаб, Иерарх Пустоты обдумывал ее слова.

«Возможно, мы и договоримся, — наконец донеслось из окружающего ничто. — Но на определенных условиях, которые не подлежат никакой корректировке с твоей стороны».

У Лилит словно гора с плеч свалилась. Это означало, что она выкрутилась. Любые условия Иерарха были лучше, чем ее нынешнее аховое положение. К тому же в переговорах и увертках ее мало кто мог превзойти.

«Согласна».

«Тогда я готов послушать, что ты можешь предложить».

Глава 1 НА ДНЕ

(Из воспоминаний Игоря Логинова)

*Побережье озера Байкал к северу от Иркутска.
12 сентября 2010 г.*

Над озером нависли тяжелые серые тучи. Дул пронизывающий холодный ветер. Далеко внизу подо мной волны с напрасным упорством бились об отвесную скалу. А я стоял наверху, над всем этим буйством стихии, подобно какому-нибудь богу бури (нескромно, правда?) и кутался в плащ скорее по старой привычке, чем потому что мне действительно было холодно. Э-магу на определенном уровне владения своими способностями (а я на этот уровень вышел уже несколько месяцев назад) становятся не страшны ни жара, ни холод: Сила оберегает его, пока он любит себя. Я это правило теперь соблюдал неукоснительно, выработал четкий баланс довольства собой и самокритики и старался перекосов в этом деле не допускать, ибо на собственном опыте убедился, чем они чреватые. Так что холод для меня остался в прошлой, обычной жизни. И оттуда же родом была эта привычка — кутаться в плащ во время шторма.

Я упивался буйством стихии, попутно сбрасывая в атмосферу излишки негативной энергии. Из-за этого ветер усиливался, волны все более ретиво бились о скалы, но на моей душе становилось спокойнее. Природа впитывала мой гнев, мою боль, что было наиболее приемлемым выходом из ситуации. Я стравливал излишки по чуть-чуть, четко дозируя энергию, ибо не хотел вызвать урагана.

Когда мое одиночество перестало быть таковым, я сразу же это почувствовал, хотя никаких звуков, кроме воя ветра и шума волн, не услышал. Просто атмосфера стала слегка другой — в ней возникло ощущение некоего «присутствия». Однако я не спешил реагировать на изменение обстановки, так как агрессии не почувствовал. А раз так, то посетитель мог и подождать. Точнее, посетительница, ибо уже секунду спустя после ее появления я понял, кто она такая.

Сбросив последнюю порцию негативной энергии, я не спеша повернулся к ней:

— Здравствуй, Моргана! Любишь тихо появляться?

— Извини, па, привычка!

Я чуть улыбнулся: до сих пор не смог привыкнуть к тому, что моя дочь выглядит немногим младше меня, и каждый раз, как она меня называла папой, внутренне вздрагивал. Но отучить ее от этого пока не удавалось, хотя, как мне кажется, я понял причину ее упрямства в данном вопросе. Единственной уступкой стало более приемлемое для меня «па» вместо «папочки». Хорошо хоть на людях она соблюдала конспирацию...

— Ну что, сброс закончен? — поинтересовалась Моргана.

— Да.

— Ты часто сюда ходишь?

— Частенько. Правда, не всегда с этой целью. Мне просто нравится тут — спокойно и очень красиво.

— Тогда откуда берется столько негатива? При твоих-то возможностях и размеренной жизни отрицательная емкость должна заполняться не чаще раза в год.

— Вы, как всегда, необычайно проницательны, мисс Марпл, — невесело усмехнулся я.

Она не задала мне вопроса, о чем речь. В течение полутора лет, которые мы провели на том самом дне, куда залегли после известных печальных событий, я в качестве одного из этапов освоения Морганой нормальной человеческой жизни активно приобщал ее к земной литературе. Книги мы доставали в библиотеке ближайшего города. Против ожиданий, моя дочь очень увлеклась и глотала их пачками.

Причем больше всего ее занимали не фантастика и приключения, а обычная художественная проза или исторические вещи. Ничего удивительного: фантастики и приключений ей с лихвой хватало в реале. Иногда под настроение у нее неплохо шли детективы. Только не остросюжетные, со стрельбой и погонями, а классические, с немалым психологическим наполнением и тонко прописанным ходом логических выкладок героя, ведущего расследование. Любимыми авторами в этом жанре для нее стали Артур Конан Дойль, Агата Кристи и Джон Диксон Карр. Естественно, кое-чего она от их персонажей понабралась. Да и не только от них.

Последнее время моя дочь стала более внимательной, вдумчивой, а резкости, порывистости и верхоглядства в ней существенно поубавилось. Девочка выросла... Так что рано или поздно она должна была заметить то, что я старался скрыть. Глупо было в самом деле рассчитывать, что ее неведение продлится долго: ведь, помимо всего прочего, она тоже была Э-магом. И вот настал момент истины.

— Итак? — спросила Моргана, внимательно глядя на меня.

— Не спорю, это идеальное место для передышки. Однако еще немного такой жизни — и мы попросту закинем тут! — с неожиданным для себя жаром заговорил я. — Ты можешь возразить, что не бездельничала, а занималась изучением этого мира, да и я по большому счету не без пользы провел здесь время, совершенствуясь кое в чем. Но такие Силы, как наши, не должны прозябать в бездействии. Они нам даны не для этого.

— А если мы начнем их применять, нас найдут, — резонно возразила моя дочь.

Парадокс: впервые в истории наших споров с позиций здравого смысла выступала именно она. Но я не был склонен с нею соглашаться:

— Не имеет значения, Моргана! Мы не можем всю жизнь прятаться!

— Но несколько-то лет можно! — Ее голос стал умоляющим, похожим на лепет маленькой девочки, которая просит папу разрешить ей еще поиграть. — Слушай, мне так

нравится жизнь, которую мы здесь ведем! У меня никогда такого не было. Не надо все ломать! Давай останемся еще хоть на пару лет! Ну или на год хотя бы.

— Меня последнее время достают дурные предчувствия. Словно творится что-то очень неладное, и у нас нет этой пары лет. Будто спокойное время для Земли, или Базового мира, как ты ее называешь, истекает. И по этому поводу надо что-то делать.

— Что?

— Пока не знаю.

— Но почему это что-то должны делать именно мы?

— Потому что мы многое можем, и нам многое дано. А на что мы растрчиваем свою Силу? На мелочи, на бытовой комфорт. Мой стаж Э-мага — всего два с половиной года, а я уже успел натворить немало зла и многих отправить на тот свет. Знаю, что ты хочешь сказать, но все равно, каковы были те люди. Убийство есть убийство, и добрым делом его не назовешь.

— Не сгущай! Ты несправедлив к себе.

— Да, конечно, я кого-то вылечил, но как дошло до серьезного, то не смог спасти своего друга. А ведь обещал его жене, что с ним все будет в порядке!

— Но ты же отомстил за него!

— Не в этом дело, Моргана! — В отчаянии от своей неспособности выразить собственные мысли я вцепился рукой себе в волосы. — Мечь — это тоже зло, и не принципиально, кому и за что. Чаша весов с моими темными делами пока явно тяжелее, а я ничего не могу с этим поделаться. Более того — и не пытаюсь. Сижу здесь, как на курорте, и в ус не дую! К сожалению или к счастью, но Э-маг еще не вытеснил из меня человека, и мне далеко не все равно, как я трачу данную мне свыше Силу.

— Так ли это плохо? А ты считаешь, лучше быть бездушной машиной, как моя мать, которая добивается своих целей, невзирая ни на что и ни на кого?

— Согласен с тобой. Вариант Лилит мне абсолютно не подходит. Но... Черт, да как же тебе объяснить?! Э-магия — чрезвычайно мощный инструмент, с помощью которого можно вершить такие дела... А чем до сих пор занимался я?

Взял волшебную палочку и принялся бить ею по голове своих врагов. Возможно, тогда я еще не созрел для серьезных дел, но сейчас это положение изменилось. Более того, мне кажется, что в мире происходит что-то, действительно требующее нашего с тобой вмешательства. А мы прячемся в этом комфортном и безопасном месте и даже не думаем о том, что подобная Сила дана нам не просто так. Ничего бессмысленного в природе не бывает, и наверняка наш с тобой дар предназначен для какой-то особой миссии, которая обычным людям не по плечу. А мы словно пренебрегаем ею, предпочитая лежать дома на диване.

— Знаешь, мамочка тоже затачивала меня под «высокую миссию», — возразила Моргана. — Я думаю, чем такая миссия — лучше на диване лежать. Где гарантия, что твоя — «выше»?

— Гарантии тут, конечно, никто не даст. Но то, к чему нас готовит судьба, — это выбор, своеобразный перекресток на жизненном пути. Мы можем свернуть на этом перекрестке в сторону зла — и тогда станем на путь твоей матери, но можем и в сторону добра. Единственное, чего мы *не можем*, а точнее, не имеем права, — это проигнорировать момент выбора. А я чувствую, что он скоро настанет.

— Но где этот перекресток?! — в отчаянии воскликнула Моргана. — Куда нам надо идти и что делать?

— Представления не имею. Отсюда и весь негатив, который приходится сбрасывать. — Я махнул рукой в сторону озера, где волнение постепенно стало успокаиваться. — Прости, дочка, что вывалил все это на тебя. Не хотел, честное слово.

— Ничего. — Моргана немного нервно улыбнулась. — Я сама напросилась. Но знаешь, что мне пришло в голову? Глупо же мотаться по миру, ища неизвестно где неизвестно чего. А если этот перекресток так важен, мы с тобой придем к нему, даже не двигаясь с места. Такие штуки имеют обыкновение сами находить тех, кто к ним приговорен. Так зачем хлопать крыльями и мучить себя неразрешимыми вопросами? Поживем еще немного здесь, наберемся сил. Ты в Э-магии поднатаскаешься. И будем смотреть в оба. И если

что-то в таком роде появится, мы его точно не пропустим. Как тебе идея?

Я, онемев от изумления, смотрел на Моргану. Мудрость обычно приходит с возрастом. А тут в двадцать шесть такое выдать!

— Что, не ожидал? Не зря же я столько книжек прочитала!

— Да ты у меня прямо Аристотель!

— Я знаю, но сейчас не об этом. Так что с моим предложением?

— Принято единогласно — за неимением какой бы то ни было разумной альтернативы.

— Yes! — радостно взвизгнуло мое гениальное чадо и бросилось мне на шею.

Глава 2

КОНЕЦ НАЧАЛА. НОМЕР ПЕРВЫЙ

Тибет. Хребет Тангла. 14 сентября 2010 г.

Лама Тан Лун был встревожен. Весь последний день он не находил себе места и все ходил и ходил по своей обители. Монахи замечали бродящего, словно призрак, настоятеля, но не подавали виду. И только после того как он пропадал из поля зрения, начинали тихо шушукаться, теряясь в догадках, что вдруг стряслось со всегда таким спокойным до флегматизма ламой. Знали они о нем на удивление мало, ибо Тан Лун слыл отшельником и проводил с ними ровно столько времени, сколько требовали его обязанности настоятеля, и ни минутой больше. Жизнь его окутывал ореол столь глубокой тайны, что даже слухи по поводу него ходили либо какие-то куцые, словно волосы после стрижки машинкой, либо совсем уж неправдоподобные. Фактом было лишь одно: обладая немалыми способностями и духовной силой, Тан Лун почему-то не захотел делать блестящей карьеры при Далай-ламе в Дхарамсале, которую ему все прочили, или отправиться в Улан-Батор к Богдо-гэгэну, где также можно было существенно продвинуться, а предпочел стать настоятелем уединенного тибетского монастыря.

Складывалось впечатление, что он хотел ограничить свое соприкосновение с миром людей до минимума. В общем, немудрено, что, глядя на столь нетипичное поведение настоятеля, монахи могли только пожимать плечами.

Впрочем, в своем недоумении они не были одиноки. Тан Лун и сам понятия не имел о причинах своей внезапной тревоги. Какое-то неотступное дурное предчувствие давило ему грудь и мешало дышать. Эти ощущения можно было бы приписать какой-нибудь болезни, будь лама обычным человеком. Однако он являлся смертным аватарой Лунтара — анхора из касты начал. Учитывая его способности к управлению собственным организмом, для недомогания подобного рода должны иметься очень серьезные причины. Кроме того, у касты начал, называемых еще принципами, дар предвидения был едва ли не самым развитым среди светлых Вторых, хоть они и стояли всего лишь на второй снизу ступени иерархии. Так что предчувствия свои Лунтар привык воспринимать как факты, разве что еще не свершившиеся.

Когда ближе к вечеру он в очередной раз выглянул из окна, то обнаружил, что погода стала портиться. К северу от монастыря в небе скапливалась мрачная армада зловещих свинцово-серых туч, периодически озаряемых призрачными вспышками зарниц. Оттуда уже доносились трескучие раскаты грома, напоминающие звук высыпаемой из самосвала щебенки. В общем-то гроза не была редкостью для этого времени года, но Лунтар сразу и вдруг уверился, что гроза эта необычная и являет собой если не причину, то олицетворение его дурных предчувствий.

Настоятель, не отрываясь, наблюдал за быстро оккупирующими небо тучами, и с той же скоростью внутри него рос холодный страх. Поэтому он ничуть не удивился, когда с переднего края облачного фронта потянулись к земле четыре хобота-воронки смерчей. Но, пройдя лишь половину расстояния, вдруг замерли и изрыгнули черные, как ночь, крылатые тени, которые решительно направились к монастырю. Глаза анхора остекленил ужас: принадлежа к касте летописцев и хранителей знаний светлых Вторых, он сразу понял, что за порождения кошмара принесла гроза к его

обитатели. Сейчас не было времени думать, каким образом крошечники столь высокого уровня сумели не только просочиться сквозь Внешний обод, но и скрытно добраться аж до самого Базового мира: с минуты на минуту они окажутся здесь.

Лунтар не был воином, а впрочем, с этой четверкой и форс не справился бы. Разве что кто-нибудь из престолов, да и то вряд ли. А потому следовало немедленно бежать, естественно, прихватив с собой то единственное, за чем могли явиться сюда посланцы Пустоты. А откуда, кстати, они об этом узнали?

Будь анхор в своем обычном облике, вся эта операция не составила бы для него ни малейшего труда, но смертная оболочка накладывала определенные ограничения. К сожалению, долг обязывал Лунтара к постоянному пребыванию в Базовом мире, энергетическая атмосфера которого не слишком благоприятно сказывалась на сущностях вроде Вторых или крошечников. Так что и те и другие предпочитали подолгу на Земле не задерживаться или, если возникала такая необходимость, приобретали смертное тело. Но если низшие касты анхоров (стражи и начала) вынуждены были создавать себе полновесные смертные воплощения, то высшие Вторые, появившиеся в Базовом мире лишь эпизодически, обычно просто временно вселялись в кого-нибудь. Как правило, для этого использовались специально подготовленные смотрящие или изредка адепты Святого Ордена. Но бывали случаи, когда они и вовсе не утруждались вселением, а появлялись в собственном облике, экранируясь от неблагоприятного энергофона специальным щитом. Правда, на его поддержание требовалось немало сил, так что даже члены высших каст этим не злоупотребляли, а потому подобные визиты были весьма краткими. Крошечники же, не мудрствуя лукаво, просто захватывали тело первого встречного. С душой этого несчастного обычно не церемонились: она либо полностью подавлялась, либо изгонялась вовсе.

Лунтар уже не помнил, как давно он жил в Базовом мире и сколько воплощений ему пришлось сменить. К своему очередному смертному телу принцип давно привык, так

что нимало не тяготился им. Конечно, серьезных переделок в его жизни не было уже много лет. Да хранителям знаний и по статусу не положено появляться на передовой опасных событий. Сейчас же опасные события нашли его сами, и действовать приходилось на пределе возможностей своего воплощения. Телепортация, которая для Вторых являлась столь же обычным навыком, как, к примеру, для человека — ходьба, Лунтару была недоступна. Впрочем, для нее имелась альтернатива: анхор мог «сшивать пространство», перемещаясь к цели прямым кратчайшим путем, не существующим в физическом мире. Если сделать складку на ткани, а у основания проткнуть иглой и протащить следом нить, получится хорошая иллюстрация такого перемещения. Вот и низшие Вторые в таких случаях двигались, образно говоря, не «вдоль ткани», а по «траектории нити». Этот переход занимал несколько больше времени, чем телепортация, а также требовал полной сосредоточенности на процессе.

Именно «прямой переход», как в терминологии Вторых именовался данный метод ускоренного перемещения, и применил сейчас Лунтар, чтобы оказаться в подвалах монастыря, где находился тайник, укрытый весьма изощренным маскирующим арканом. Принцип уже приготовился снять его, чтобы извлечь предмет, как вдруг ощутил еле заметное дуновение *присутствия*. Это не могли быть те, черные: для них слишком тонко. Тут явно действовал кто-то похитрее, и он наверняка ждал, пока Лунтар вскроет тайник. Анхор резко развернулся, вызывая «слепящий свет», приправленный развеивающим заклятием.

Призрачное нечто, практически невидимое в сумраке подвала, попав под это комплексное воздействие, тут же приняло вид человеческой фигуры, мгновенно окутавшейся сапфирово-синим коконом защитного поля. Пришелец без раздумий нанес ответный удар, и Лунтара от души приложило о стену так, что на несколько секунд он был не в состоянии не только двигаться, но и связно мыслить.

Фигура оказалась женской, а окутывающая ее аура Силы могла принадлежать только криганке, да не какой-нибудь, а высшей касты. Едва до оглушенного созна-

ния Лунтара дошел этот факт, он понял, что дело плохо и бежать нужно немедленно.

Он приготовился к «прямому переходу», но вдруг ощутил, как вокруг него возникла «энергетическая петля», зафиксировав его в текущем положении. Криганка усмехнулась:

— Далеко собрались? Нам надо поговорить.

— Не вижу тем, — процедил Лунтар, одновременно пытаюсь разорвать «петлю».

— А я вижу. Мне нужен Осколок. Да не дергайтесь вы! Не принципу тягаться с архом.

Замечание было резонным, так что анхор прекратил попусту тратить силы. Его мозг лихорадочно искал выхода из отчаянного положения, но не находил. Между тем хватка «энергетической петли» усилилась настолько, что принципу стало трудно дышать, а все тело пронзила острая боль. В смертной оболочке были свои недостатки: как ее ни совершенствуй, с истинной плотью Второго она не сравнится. К тому же Лунтар не мог тешить себя надеждой, что после смерти этого тела создаст себе новое воплощение: криганка и посланцы Пустоты вряд ли оставят в живых его сущность, что станет для начала (вот мрачный каламбур!) его концом.

— Осколок! — напомнила о себе незваная гостья. — Я точно знаю, что вы — его хранитель!

— Зачем он вам? — прохрипел Лунтар.

— Что за глупый вопрос? Впрочем, подозреваю, таким образом вы пытаетесь потянуть время. Напрасно — вам это не поможет.

Анхор округлил глаза:

— Неужели вы заодно с *этими*??

— Скажем так: мы временно сотрудничаем.

— О Создатель! Я знал, что криги — безумцы, но чтобы настолько?! Да вы хоть представляете, с кем связались?!

— Уж всяко лучше, чем вы. Эти существа — моя проблема. Мне с ней и разбираться. А ваша проблема в данном случае — остаться в живых. Правда, не факт, что это вам удастся. Особенно если будете упрямяться.

— Вы полагаете, моя жизнь дороже мне, чем существо-

вание Сферы Миров или долг перед своей расой? Зря. Если в моих силах помешать освобождению Тринадцатого из заточения, я сделаю это. Любой ценой.

Криганка поморщилась:

— Ненавижу пафос и громкие слова. Но самое противное, что вы действительно так думаете и чувствуете. Вот только смысла в вашем самопожертвовании немного. Со мной-то вы еще можете поиграть в героя и красиво умереть, но вот мои союзники поступят иначе. Один из них просто потеснит в этом теле вашу душу и препарирует ее, чтобы извлечь все нужные сведения. Как вам такая перспектива?

Лунтар не ответил: он интенсивно обдумывал ситуацию. Насколько ему было известно, кромешники, даже такие сильные, как приближающиеся к монастырю харры, способностью к телепортации или хотя бы к «прямому переходу» не обладали, а попасть в эту комнату обычным способом не представлялось возможным, ибо она была замурована со всех сторон, не имея ни окон, ни дверей. Принцип с помощью «сшивки пространства» мог посещать свой изолированный тайник в любой момент. Но вот с одним из главных недостатков человеческого тела, а именно — с необходимостью в воздухе для дыхания — он так и не смог ничего поделать. Так что абсолютно герметизировать это помещение было нельзя. Пришлось оставить несколько небольших отверстий для вентиляции. Лунтар не был так хорошо знаком с возможностями харров, чтобы однозначно сказать, хватит ли им этих отверстий для проникновения внутрь, но сильно подозревал, что хватит.

А в таком случае угроза криганки приобретала весьма реальные очертания. Позвать на помощь других светлых Вторых не было никакой возможности: «энергопетля», в тисках которой его держала темная, наглухо блокировала телепатическую связь. Перспектива же вселения в его тело сущности кромешника пугала анхора до полубоморочного состояния. Мало того, что это наверняка будет означать для него окончательную смерть, так еще и процесс «препарирования души» исчадием Пустоты обещал стать до крайности мучительным. А в довершение всего было очевидно,

что в результате враг все равно получит нужную информацию. Все так, но, несмотря ни на что, одна мысль о добровольном сотрудничестве с пришельцами из-за Внешнего обода вызывала у анхора отвращение.

Пока принцип решал возникшую дилемму, ситуация поменялась. Из вентиляционных отверстий ударили струи черного дыма. Когда же в замурованном помещении его скопилось достаточно много, из дыма соткались четыре жуткие фигуры харров. Они смутно напоминали гуманоидные, только передние конечности были существенно длиннее, а на спине имелось нечто, похожее на большие перепончатые крылья наподобие тех, которыми обладают летучие мыши. Более подробно оценить внешность посланцев Пустоты было сложно, так как они (если предстают в собственном облике, не будучи вселенными в тела обитателей Сферы Миров) выглядят так, словно состоят из клубов дыма или тумана.

Пока Лунтар, онемев от ужаса, разглядывал этих созданий, рыжеволосая криганка демонстративно пожала плечами и телепатически передала харрам:

«Он ваш».

Один из кромешников тут же метнулся к анхору, дикий крик которого заглушили толстые стены замурованной комнаты.

Глава 3 ПОСТУПОК

Иркутск. 15 сентября 2010 г.

Антон шел сквозь противную морозящую мглу, проклиная собственную рассеянность, вылившуюся в забытый зонт, и с тоской ощущая, как напивается водой его одежда. Капли дождя на линзах очков искажали окружающую действительность, являя глазам сюрреалистическую картину некоего чужого, странного мира. Чужого... А ведь это ощущение было верным. Мир вокруг с недавних пор действительно сделался чужим. Холодным, жестким и неприветливым. И что бы там ни говорили про осеннюю депрессию

и противную погоду, они тут ни при чем. Абсолютно. Просто плачущая осень как-то необычайно органично сочеталась с воцарившейся на душе тоской. Словно природа тоже оплакивала его беды и несчастья.

Взгляд Антона наткнулся на старую афишную тумбу. Молодой человек подозревал, что она уже была старой, когда его самого еще возили в детской коляске. Сейчас же, жестоко изнасилованная временем, погодой и людьми, она оказалась выброшена на свалку жизни и представляла собой весьма жалкое зрелище: ржавая, помятая, с обрывками давнишних и уже неактуальных афиш. Честно говоря, в последнее время Антон и сам начал ощущать себя такой тумбой — всеми забытый и брошенный человек, до которого никому нет дела. Ну не то чтобы совсем никому, но Ей-то уж точно. А это для него было главным.

Так, кажется, он опять начинает себя жалеть. А ведь знает, что нельзя: от этого только больнее становится. Кстати, не поздно ли уже? Может, и поздно. Хотя какая теперь разница! Даже напитавшаяся водой ветровка и перспектива сильнейшей простуды несколько не волновали Антона. К чему теперь здоровье и даже сама жизнь, если Она даже смотреть на него не хочет?

Причем Антон никак не мог объяснить себе внезапной немилости со стороны той, которая еще недавно кружила ему голову кокетливыми взглядами и многозначительными намеками. Он не сделал ничего, чтобы навлечь на себя подобное. Хотя дело, возможно, как раз в этой проклятой частице «не». Может, Она ждала от него какого-то поступка, которого он не совершил? Какого же, черт побери?! Его сердце плавилось от одного Ее взгляда, имя — Диана — было музыкой для слуха, а лицо и фигура — наслаждением для глаз.

Говорят, женщин не интересуют мужчины-рабы, которые будут на четвереньках приносить им в зубах тапочки. Для этого они могут завести комнатную собачонку. Возможно, для кого-то и так, но Антону казалось, что Диане как раз нравилось, когда рядом он — не пекинес, конечно, но преданный сторожевой пес, готовый по ее мимолетному жесту перегрызть горло любому или умереть за нее в любой

момент. И он согласился бы оставаться в этой роли сколь угодно долго, лишь бы получать взамен хоть изредка легкий поцелуй в щеку, ослепительную улыбку или нежное рукопожатие. Мелочи, дарившие ему надежду на чудо, которое казалось ему то необыкновенно близким, то бесконечно далеким. Надежда так и оставалась надеждой, но благодаря ей он жил: этакая морковка на веревочке перед глазами осла, одновременно манящая и недостижимая.

Но вот морковку убрали. Мечта исчезла. Окончательно и безнадежно. И вместе с ней исчезло то, что позволяло ему сохранять вертикальное положение, чувствовать, что он живет не зря. Жестокие ледяные слова: «Ты мне больше не интересен. Исчезни из моей жизни!» — убили что-то внутри него. А может быть, и его самого. Словно он последние несколько месяцев жил, стоя на табуретке с петлей на шее, а Диана ударом ноги выбила из-под него эту хлипкую деревянную конструкцию. Причем сделала это походя, даже не заметив.

С каждым шагом сонм убийственных мыслей все глубже вгрызлся в его душу, причиняя ей такую боль, что дождь и холодный ветер окончательно перестали для него существовать.

И тут из серой мглы впереди, чудовищно искаженная водой на стеклах очков, выросла громада шестнадцатитажного жилого дома. Мысли Антона приняли новое направление, и он решительно зашагал к подъезду.

Попасть туда, несмотря на домофон, проблем не составило. Антону повезло: впереди него плелся, не замечая ничего вокруг, какой-то изрядно датый по случаю пятницы мужик. С третьей попытки попав кодированным ключом в предназначенный для него пятачок на домофонной панели, он вошел в подъезд и, спотыкаясь, побрел к лифту. Антон, проскользнувший внутрь следом за ним, тихо свернул на лестницу и принялся подниматься. С каждой ступенькой пришедшая ему в голову мысль все более укоренялась там, занимая доминирующее положение.

Для его целей эта высотка подходила идеально: изолированная от квартир лестница с балконами на каждом эта-

же. Так что ему не было нужды попадать на крышу или вскрывать подъездные окна. Вверх, вверх, вверх...

Да, теперь ему все ясно. Она просто не знает и даже не догадывается, на что Антон ради нее готов. Ей не хватает Поступка с его стороны. Так он будет! Прямо сейчас и будет. И тогда Она все поймет.

«Что именно она должна понять? Что ты не способен жить без нее? Да уж, придумал так придумал! А если ей не нужны уже от тебя никакие Поступки? Может быть, время, когда еще можно было доказать Диане, что ты — единица, а не ноль, давно миновало, и теперь, что бы ты ни делал или ни говорил, — все будет умножаться на этот самый ноль!»

«Все не так, и я докажу это!»

«Может, что-нибудь ты и докажешь, да только способ доказательства исключает для тебя возможность узнать результат. Это ведь не компьютерная игрушка, где можно сохраниться на случай ошибки и потом переиграть неправильно пройденный участок пути. Тут все по-взрослому. Если окажется, что ты со своими притязаниями ей глубоко безразличен, пить боржоми будет поздно!»

«И все же я не отступлю».

Внутренний голос замолчал, видимо, отчаявшись достучаться до сознания Антона, но тот предпочел истолковать это молчание как признание его правоты и продолжал решительно подниматься по лестнице. Вверх, вверх, вверх...

Десятый этаж. Ноги уже начинают слегка гудеть от усталости — ведь до подъема по лестнице Антон успел немало побродить по городу. Но останавливаться он не собирался. Надо выше. Что-то словно тащило его дальше — вверх, вверх, вверх...

Площадка между пятнадцатым и шестнадцатым. Все, пришли. Выше уже некуда. Антон вышел на балкон, и ветер в очередной раз швырнул ему в лицо дождевой заряд. Но молодой человек этого даже не заметил. Он извлек из кармана мобильник и стал набирать Ее номер. Гудки, гудки... Ответа нет. Но Антону терпения не занимать, и он все же своего добился. Ответ получен после пятнадцатого гудка. В голосе Дианы слышится раздражение:

— Что тебе нужно? Нам не о чем говорить!

- Ты не понимаешь. Я не могу жить без тебя!
- Это твои проблемы.
- Не могу и не буду.
- Что значит «не буду»?
- Ты знаешь, где я сейчас?
- Нет, и мне это не интересно.
- Я на балконе шестнадцатого этажа.

В ее голосе впервые прорезалось что-то похожее на интерес. Правда, это «что-то» было плотно упаковано в обертку из иронии:

- Прыгать собираешься? Ну-ну...
- Ты мне не веришь?
- Да не в этом дело. Просто мне все равно.
- А я решил: без тебя жить не буду.
- Значит, не живи, — Ее голос вновь стал равнодушным. — Я только не пойму: зачем ты мне позвонил?
- Не надо притворяться, Диана. Ты не так бессердечна, как хочешь казаться.

Она фыркнула:

— Хочу казаться? Ошибаешься. Я не играю с тобой и не ношу маски — много чести. Если я кажусь тебе жестокой, значит, так оно и есть. Но ты и не заслуживаешь ничего иного. Однако этот разговор начал меня утомлять. Ты собираешься прыгать или нет?

— Если ты останешься со мной, я не стану этого делать.

— Ультиматум, значит? Ну так со мной это не пройдет. Ты мне не нужен. Почему меня должна волновать твоя судьба?

— Ты, кажется, до сих пор не воспринимаешь меня всерьез...

— И правильно делаю. Ты — слабак по своей природе. Получил от ворот поворот — и айда самоубиваться! Но даже на это у тебя пороку не хватит. Трус и слабак! Прощай — меня тошнит от тебя!

Отбой... Мертвая пустота внутри. А еще через пару секунд он осознает себя перекидывающим ноги через балконные перила. «Зачем?! — панически взвыл его здравый смысл. — Неужели думаешь, что ее запоздалое раскаяние воскресит тебя?! Не надо!»

Но перед глазами тут же встало Ее лицо: холодный взгляд и презрительная улыбка: «Трус и слабак! Меня тошнит от тебя!» Как будто толкнула...

И он, разжав руки, еще державшиеся за перила, шагнул в заполненную холодом и промозглой сыростью сорокапятиметровую пропасть.

Свист ветра в ушах. Пить боржоми действительно поздно. И вновь Ее лицо, только уже заливающееся беззвучным хохотом. А потом удар. Дикая боль. И тьма.

Глава 4 ДУРНЫЕ ВЕСТИ

*Мексика. К югу от Сьюдад-Хуареса.
16 сентября 2010 г.*

Раймондо Перес проснулся с головной болью. Это было странно — его модернизированное тело имело практически полный иммунитет к человеческим недугам. А спокойная и уединенная жизнь заставила его практически забыть, что такое боль и тревога. Теперь про все это пришлось вспомнить, ибо ночью ему приснился кошмар. Что-то незримое и жуткое преследовало его в собственном доме. Раймондо же почему-то не только не мог переместиться с помощью «прямого перехода», но и утратил свои способности к оперированию энергией, а следовательно, был практически бессилён против невидимого врага. Тот почти настиг его, когда Перес заставил себя проснуться.

Принцип Табриор (а именно таково было истинное имя Раймондо) прекрасно понимал, что анхорам обычные кошмары не снятся, а значит, этот был либо предвестием грядущих страшных событий, либо покушением. В последнем случае, умерев во сне от руки незримого врага, Табриор, скорее всего, так и не проснулся бы. Но кто мог желать ему смерти? Начала были мирной кастой и, как правило, не становились поперек дороги кому бы то ни было из многочисленных врагов светлых Вторых, а следовательно, и под удар попадали крайне редко. Впрочем, в его случае все было не совсем так. Причиной интереса к нему со стороны

враждебных сил могла стать одна очень опасная вещь, находящаяся у него на хранении. Но неужели кто-то оказался настолько безумен, что решился?.. Нет, об этом лучше не думать ради собственного душевного здоровья.

Может, все-таки предвестие? Но чего? Сон был смутным, насквозь пропитанным страхом и почти не поддающимся толкованию. Впрочем, это сейчас, по горячим следам и с жуткой головной болью... Спohватившись, Табриор сделал несколько пассов руками около висков, изливая на себя целительную энергию. Помогло — боль отступила.

И тут же мягкой лапой прикоснулась к сознанию просьба о телепатическом контакте. Спектр ментального излучения, вложенного в эту просьбу, был знаком Табриору, поэтому он открылся.

«Терон?»

«Да, это я. Нам нужно как можно скорее встретиться».

«Что случилось?»

«Я предпочел бы рассказать лично».

«Где ты?»

«В Тибете».

Брови принципа удивленно поползли вверх.

«А что ты там... Впрочем, действительно лучше лично. Как скоро ты сможешь оказаться у меня?»

«Ты дома? — спросил Терон и, получив утвердительный ответ, продолжил: — Понадобится четыре «прямых перехода»... Где-то минут через десять».

«Хорошо, жду».

Контакт прервался.

В теории «сшивки пространства» существует понятие, пришедшее туда из практики: предельная дальность «перехода». Дело в том, что пространство не абсолютно стабильно и подвержено периодическим сдвигам и колебаниям. Поэтому на прямых путях существует риск «угадать» под такой сдвиг и оказаться не там, куда намеревался попасть. И ладно, если просто ошибешься адресом, но можно выйти из «прямого перехода», скажем, в жерле активного вулкана или глубоко под водой. И если на коротких «переходах» вероятность такого неприятного казуса стремится к нулю, то

с ростом дальности она возрастает в геометрической прогрессии, пока для определенных расстояний не становится совершенно неприемлемой. Более того — с некоторой дальности начинается так называемая «зона исчезновений», когда перемещающийся может и вовсе затеряться в складках пространства и навсегда лишиться возможности вернуться в нормальный физический мир. Поэтому низшие анхоры, практикующие «сшивку пространства», предпочитают сделать несколько коротких «переходов» вместо одного длинного. Как говорится, тише едешь — дальше будешь.

Ожидая гостя, Табриор размышлял. Нельзя сказать, чтобы контакт оказался неожиданным. Терон принадлежал к касте стражей, и за ним не было закреплено какого-то определенного региона. Таких, как он, называли вольными охотниками. Они обладали удивительным чутьем на опасность, приходящую из-за границ Базового мира, а потому постоянно странствовали, находились в поиске. Казалось бы, большей противоположности перманентно оседлому началу трудно было изобрести, но что-то сблизило этих двоих столь непохожих анхоров, и они часто общались, вплотную подойдя к той черте, за которой у смертных лежат отношения, именуемые дружбой. В общем-то они готовы были уже пересечь эту черту, как ни чуждым было такое понятие для Вторых. Но эти двое слишком долго жили среди смертных и сами (по крайней мере, телесно) были таковыми, так что успели пропитаться человеческим духом.

Терон периодически заглядывал к Табриору, когда оказывался поблизости. Его визиты всегда были спонтанны, но, во-первых, тот в обязательном порядке предупреждал о них телепатически, а во-вторых, принцип научился предчувствовать появление стража. Вот, например, вчера он как раз думал о Тероне и сейчас был рад новой возможности пообщаться с ним. Правда, необычная тревога в его ментальном тоне заставляла думать, что причиной этого визита могло стать некое весьма неприятное событие, что несколько смазывало приятное предвкушение и вдобавок попадало в унисон с собственными дурными предчувствиями принципа.

Всплеск, возвестивший о появлении стража, послышался где-то на первом этаже дома Табриора. Принцип имел достаточно средств, чтобы жить даже в роскоши, но не любил афишировать их количества. Двухэтажное ранчо было единственным, что он себе позволил за рамками режима экономии. Все-таки жил он уединенно, а простор и комфорт любил. Так почему бы и нет? Прислуги у него не имелось, ибо Табриор, как и большинство начал, старался свести общение со смертными к тому минимуму, который только был возможен при постоянном проживании в Базовом мире. Впрочем, помощники ему и не требовались: ухаживать за поместьем помогала нехитрая бытовая магия, а от лихих людей и хищников защищали два концентрических охранных круга. Внутри же этих двух кругов располагалась зона магических ловушек, рассчитанных на тех, кто и сам владел Силой. Только хозяин решал, кого можно через них пропустить, а кого нет. Вдобавок непосредственно дом был защищен и от нетривиальных способов перемещения вроде телепортации и «прямого перехода». Если кто-то из своих собирался посетить принципа, он должен был предварительно уведомить его об этом телепатически.

Сейчас, в ожидании Терона, Табриор временно снял защиту, что позволило стражу выйти из «перехода» прямо в доме. К слову, подобной чести кроме вольного охотника удостоивались лишь представители высших каст, которые, правда, посещали принципа лишь дважды за то время, которое он жил в этом доме. Остальным приходилось идти пешком от внешнего охранного круга.

Табриор встретил гостя на лестнице и сразу удивился хмурому выражению его лица. Страж был завятым оптимистом, и мало что могло свергнуть его в уныние или вывести из себя. Принцип вздохнул: похоже, его предчувствия начинают сбываться.

— Что случилось? — спросил хозяин дома после обмена приветствиями. — Ты ведь не просто поговорить со мной зашел?

— Почему же? — невесело усмехнулся Терон. — Как раз поговорить. Другой вопрос — на какую тему.

— Это как-то связано с Тибетом? Кстати, что ты там за-
был? В этой горной пустыне даже люди почти не живут.

— Ну кое-кто живет. И не только люди. Например, один
из ваших, Лунтар, обитает в одном из тамошних монасты-
рей. Точнее, обитал.

— Что с ним? — похолодел Табриор.

— Сам хотел бы знать. Он исчез при загадочных обстоя-
тельствах. К тому же в его монастыре энергофон оказался
здорово взбаламучен.

— Кем?

— Толком не понял: прошло около двух дней с его ис-
чезновения. Какая-то мешанина из эманаций. Не исклю-
чено участие кригов или даже кромешников.

— Да, дела-а-а, — ошеломленно протянул принцип. —
Так и знал, что сегодняшней кошмар неспроста.

— Тебе приснился кошмар?

— Да, только какой-то непонятный. Потом разберусь,
конечно...

— Ты знал Лунтара?

— Не слишком хорошо. Пару раз виделись на общих со-
браниях касты. Не более того.

— А между тем у вас было много общего.

— Что ты хочешь этим сказать?

— В замурованной комнате монастыря имелся тайник,
причем весьма хорошо замаскированный. Посещать его,
естественно, мог лишь сам Лунтар. Теперь тайник пуст, но
по остаточному маги-фону можно понять, что именно там
хранилось.

Лицо принципа покрылось восковой бледностью.

— Только не это!

— И тем не менее.

— Ты уверен?

— У меня нюх на подобные вещи. У того, кто хранит
Осколки, со временем даже в ауре появляется особый отте-
нок. Именно так я в свое время узнал про твой секрет, по-
мнишь?

— Еще бы! — Принцип поежился. Порой пронительность
Терона казалась ему чрезмерной даже для вольных
охотников, и это слегка напрягало. Иногда Табриору даже

казалось, что страж скрывает свою подлинную сущность. Впрочем, подобные мысли быстро проходили. Мало кто мог что-то скрыть от начал: их прозорливость была уже притчей во языцех. — То есть ты хочешь сказать, что Осколок похищен?

— Либо его зачем-то взял оттуда сам Лунтар, во что верится слабо, либо кто-то забрал его вместе с Лунтаром.

— Но это значит...

— Что за хранителями Осколков кто-то начал целенаправленную охоту, — мрачно подтвердил Терон. — А следовательно, все они в большой опасности. Теперь понимаешь, почему я первым делом отправился к тебе?

— А не спешим ли мы с выводами? Может, кто-то просто охотился за самим Лунтаром, а не за Осколком? Почувствовав приближающуюся опасность, хранитель мог бежать и прихватить его с собой. Если так, рано видеть во всем систему. Да и не может никто знать всех хранителей Осколков. Этой тайной даже в Конклаве владеют единицы.

— Время покажет, — уклончиво ответил Терон, но по его тону было ясно, что версия принципа вызвала у него большие сомнения. — Мы начали интенсивные поиски Лунтара. Хорошо бы, ты оказался прав. Потому что если нет, значит, кто-то хочет освободить Тринадцатого и при этом имеет информацию с самого верха. В таком случае серьезная угроза нависла не только над началами — хранителями Осколков, но и над всей Сферой Миров.

Глава 5

ЛЕКЦИЯ ПО ИСТОРИИ

(Из воспоминаний Игоря Логинова)

Побережье озера Байкал к северу от Иркутска.

17 сентября 2010 г.

Это был тихий и, как принято говорить, семейный вечер. Мы с Морганой расположились в зале у камина, заварили себе чаю и занимались каждый своим делом. Она, намотавшись за день по миру, сидела в кресле с очередной толстой книгой (на сей раз это были «Бесы» Достоевского),

а я писал свои заметки. Начало им было положено именно тут — благо атмосфера тому способствовала и свободного времени имелось в достатке. Кроме того, мой опыт Э-мага, в чем-то, согласитесь, практически уникальный, был достоин того, чтобы его зафиксировать. Да и мне самому эти, с позволения сказать, «мемуары» помогли несколько упорядочить свои знания о предмете.

Но сделаю небольшое отступление и расскажу о том, как мы здесь оказались. Вообще-то место для зализывания ран выбирали методом научного тыка, пользуясь моим знанием географии Земли. Я смотрел немало документальных фильмов о Байкале, да и по отзывам знакомых, бывавших здесь, представлял, какая тут красивая природа. Давно мечтал съездить сюда, но либо денег не хватало, либо времени. Однако на сей раз мои желания совпали, наконец, с возможностями, да и дочь приняла мое предложение безоговорочно.

Я не уставал поражаться умению Морганы завязывать контакты и охмурять людей — все-таки, когда мы только появились на Байкале, срок ее пребывания в нашем мире составлял всего около двух месяцев. Где она ухитрилась разыскать этого толстосума и как уговорила подрядить нас присматривать за его загородным коттеджем — одному богу известно. Но результат налицо: мы жили в отличном доме со всеми удобствами и ежемесячно получали от постоянно пребывавшего в разъездах владельца весьма основательные денежные переводы как на содержание коттеджа, так и на наше собственное. Ну и, разумеется, природа, спокойствие и уединение в комплекте. Денег нам хватало, а в качестве НЗ имелись кое-какие мои сбережения, сделанные за недолгую карьеру народного целителя. В общем, как говорится, грех жаловаться.

Однако вернусь к описываемому вечеру. Приводя в порядок свои записи, я в очередной раз обнаружил, что в них полно белых пятен. За то время, которое мы с Морганой провели вместе, я услышал от нее множество новых терминов и названий, но рассказывала она о них в час по чайной ложке и вдобавок не слишком охотно. А вот сегодня, искося взглянув на свою дочь, я обнаружил ее в довольно уми-

ротворенном настроении и решил раскрутить на кое-какие объяснения.

— Кхм... Моргана, — начал я осторожно, — можно задать тебе пару вопросов?

Она подняла голову от книги, бросила взгляд на мои разложенные по столу заметки и состроила уморительную гримаску:

— А может, отложим урок, па? Книга уж больно интересная.

— Должен признать, ты у меня крупный специалист по отмазкам! Что, объяснять не любишь?

— Есть такое дело. Так ведь я — не преподаватель и становиться им не собираюсь.

— Но кое-что мне все-таки знать надо. И не столько для этого, — я кивнул на свои бумаги, — сколько для нашей же безопасности. Я не должен быть полным невеждой в вопросах расстановки сил во Вселенной, а также их возможностей. Боюсь, что эти знания могут потребоваться мне гораздо раньше, чем мы с тобой предполагаем. Так что сделай для отца исключение!

— Уговорил, — со вздохом согласилась Моргана и отложила книгу. — И что ты хочешь знать?

Я собрался с мыслями.

— Для начала — о строении Вселенной, желательно с историческим экскурсом. Потом — об анхорах и кригах, а на закуску — об Э-магах.

— Ничего себе объемчик! — жалобно проговорила моя дочь. — Да тут же язык намозолить можно!

— А ты кратко. В адаптированном варианте, так сказать.

— Ну ладно, — сдалась Моргана, — ты сам напросился. Но должна предупредить — скукотища жуткая.

— Уж это я как-нибудь переживу.

— Тогда поехали. Итак, для начала тебе следует знать, что за пределами нашей Вселенной находится Пустота. Не то чтобы она была совсем уж пустая, так как некие сущности там все же обитают, но мне о них почти ничего не известно. И вот однажды Творец создал Базовый мир.

— Творец? Речь о Боге-Создателе, насколько я понимаю?